

Дальше живите сами

Оливия Элизабет Хамфри

Дверь закрылась позади неё с негромким щелчком, но Дита была уверена, что дверь хлопнула. Ударилась о дверной косяк так, что звук этот слышал весь корпус, весь монастырь, весь Тибет, и звук этот, подобно грому в горах, разнесся на многие мили вокруг. Дите казалось, что эта же самая дверь хлопнула её по голове. Больно, пронзительно, нагревая все чувства до предела и натягивая нервы. Она и замерла тут же, на пороге, словно боялась: пошевелится и всё, порвется. И уже не собрать.

Шок сменится паникой. Тяжелый, судорожный вздох и ладонь ложится на холодный камень стены, держится крепко, боясь упасть. Отвыкла от тишины и одиночества. Оглядывается по сторонам, с ужасом вспоминая слова тех, кто привели её сюда "это твоя старая комната, в ней ты жила". Ничего знакомого нет и в помине. Всё незнакомое, безликое, серое... спокойное. Это место было воплощением спокойствия, и сейчас, когда она осталась одна, ощущала это особенно отчетливо. Тяжело дышать... Словно крепкий жгут поперек груди, вдох не сделать, а выдох сделать нечем.

И, конечно, тишина. Давящая. После грома двери ощущалась особенно сильно, густая, как кисель. Да, точно, отвыкла. Уже очень давно то ли сама ходит за Рико хвостом, то ли он за ней, то ли это то самое, что называют "отношения", когда ходишь друг за другом. Дита не знала, но ничего против такого не имела. И сейчас ощутила себя вдруг очень одиноко, находясь в пустой комнате.

Поэтому не провела тут и двух минут, развернулась и вышла, благо мужчину поселили тут же, рядом.

- Не могу там одна, - севшим голосом заявляет Дита прямо с порога. Вошла без стука и разрешения. Без предупреждения, конечно же. И тут же выложила, что на душе. Не привыкли они скрывать что-то друг от друга.

Эль Рико Семпере

Рико вздрогнул, услышав захлопнувшуюся дверь где-то сбоку от него, сдуру ему показалось, что где-то стреляют. Усилием воли ему удалось загнать взвившийся было страх обратно, успокоиться, судорожно хватануть ладонью пояс, где когда-то раньше было верное оружие, но сейчас ладонь поймала только воздух и ремень брюк. Оружия не было. Ничего не было, кроме зажигалки, почти закончившейся пачки сигарет и потрепанного портмоне, которое давно пора было выбросить, но Рико держался за эту деталь прежней жизни, как корабли держатся за якорь, чтобы их не сносило волной в открытое море. Шов давно истерся, мелочь высыпалась и звенела в карманах, но само ощущение старой кожи, прежней жизни - портмоне было подарком старого знакомого семьи, Фермина Барберры, интересно, жив ли еще этот старый пройдоха- возвращало ему ощущение уверенности и реальности происходящего.

Они в монастыре, они в безопасности, если верить многочисленным толкам местного населения. Говорили о монастыре неохотно, упоминали вскользь, шептались, поглядывая по сторонам, на вопросы прямо не отвечали. Словно

монастырь был детской сказкой, в которую иногда верят даже взрослые. Но он был настоящим - вот стены из тонкого камня, вот каменный пол, вот циновка, занавески и комод, и на первый взгляд все так строго, но по-домашнему, что невольно навевало бы мысли о доме...Но Рико уже практически не помнил, как бывает дома - даже это истерлось из памяти. Последние несколько лет то место, где он находился, сложно называть домом и испытывать к нему привязанность.

Дверь хлопнула второй раз, и рука снова махнула по поясу, ища поддержки у верного оружия, и в который раз мазнула только пустоту. И во второй раз это был уже его дверь, дверь в его комнату, выделенную ему в личное пользование, только вот комната казалась слишком большой, пустой и чужой. И Рико даже рад, что он теперь не один. Как замерзшие щенки жмутся друг к другу в поисках тепла, так и они привязались, и она ему нужна не меньше, чем он нужен ей.

- Иди сюда, - разжать сведенные судорогой пальцы, позвать ее к себе, коснуться губами виска, и к черту там разница, как ее на самом деле зовут и кто она в итоге, она - его Дита, и больше его ничего не волнует. - Остайся со мной, оставайся столько, сколько хочешь.

Оливия Элизабет Хамфри

Взгляд девушки как-то обреченно мазнул пояс мужчины, то самое место, к которому он тянулся, когда испытывал страх или волнение. В такие моменты она забывала о том, кто такой Рико, кто такая она сама, и видела перед собой лишь сломанного человека. Сломанного, но достаточно сильного для того, чтобы не показывать это. Когда вздрагиваешь от любого громкого звука, когда снятся кошмары, и когда спать с оружием под подушкой спокойнее, чем без него - поломка. Нормальные люди так себя не ведут. Человека, как и вещь, можно склеить, обмотать скотчем или изолентой, придать старую форму, но невозможно придать то первоначальное, чистое состояние "как новенький".

В такие моменты у Диты обычно срабатывал один из дибильных женский инстинктов, и она начинала испытывать навязчивое желание обнять, прижать к себе, погладить, а главное любить-любить-любить.

Решительно кивает, делая шаг ему навстречу и укрываясь в теплых объятиях. Если бы домом можно было назвать человека, тогда можно было бы у Рико на лбу написать "дом". В случае с Дитой, идеальное решение. Дом, который движется, перемещается и который никогда не надоедает. Плевать, что это монастырь. Их не заставили принимать никакие обеты, следовательно, жить они могут и вместе. Или хотя бы ночевать.

Когда-то недавно Дита прочитала, что есть люди, которые не доверяют объятиям. Мол, это лишь способ скрыть лицо от чужих глаз. Наверное, это было так, но зависело всё еще и от того, с кем обнимаешься. Ей не нужно было видеть его лица, чтобы понимать его и чувствовать.

Должна ли она злиться на него? Возможно. Но прежде, не мешало бы во всем разобраться... С каких-то пор у Диты вошло в привычку не рубить с плеча, а думать, анализировать и пытаться понять. И самое главное:

- Мне здесь не нравится. Давай уедем? - от неё можно было ожидать такого. Сорваться с места, только приехав. Просто потому что не нравится. Хотя в данном

конкретном случае "не нравится" - не совсем подходящее описание. "Страшно" - вот более точное. Страшно наконец узнать, что так терзало всё это время. Посмотреть в глаза прошлому и жизни.

- Пожалуйста, давай уедем, - Дита делает шаг назад и касается ладонями чуть колючих щет, а затем заглядывает в глаза. Как и любая женщина, она владеет тем самым умилительно-просящим лицом, на которое покупаются мужчины. Но это - не тот случай. Сейчас она просит серьезно, и как будто готова разрыдаться, если он откажет. Ужасно эгоистично с её стороны просить о таком, но... - Они будут пытаться мне что-то рассказать. А я не хочу.

Эль Рико Семпере

Эль Рико с силой трет лоб, проводит рукой по спутанным волосам - как давно он не смотрелся в зеркало? Достаточно давно, чтобы в нем отражался не Даниэль Семпере, а какое-то убогое чмо? Кого он увидит в следующий раз - самого себя, или того, в кого чуть было не превратился, переломанный, раздавленной чужой волей, цепной обозленный пес на поводке? Рико чувствует себя странно уставшим, высосанным до последней капли, тем самым выжженным, который потерял все человеческие чувства, кроме одного, самого последнего - усталости, что сгибает к земле. Ему страшно быть таким убийцей. Он боится, что однажды приставит оружие к виску другого человека - а сам не почувствует ничего. Он опирается поясницей на невысокий комод, руки падают вдоль туловища, может ли он сделать еще один рывок и идти дальше? Может ли поднять голову и смотреть вперед, лелея внутри себя надежду спрятаться, уйти от погони, наконец начать жить нормально, как живут нормальные люди - семья, любимая, дом, дети, собака, пиво по выходным, когда о прошлом ему будут напоминать только старые рваные ночные кошмары, приходящие раз в год, а то и того реже. Он просто хочет, чтобы все было как раньше.

- Нам некуда ехать, - наконец говорит он хрипло, и снова ищет сигареты, чтобы закурить, затянуться, успокоить натянутые нервы. Руки мнут сигаретную пачку, но он не закуривает - он должен научиться жить без этого, должен жить дальше, еще одно усилие над собой, и идти дальше, как она просит. - Нам надо переждать, пока все не уляжется, пока я не решу все проблемы. За нами будут идти, нас просто так не отпустят.

Дай мне время! - молчаливо кричит он. Дай мне немного времени, мне нужно встать на ноги, и мы уедем, я тебе обещаю. Нервы-тросы лопаются со стальным звуком, нет больше сил выдерживать этот звон. Ему везде мерещатся преследователи, из-за каждого камня в него целятся из оружия, в каждом встречном он видит потенциальную угрозу, чуть что - хватается за пояс, на котором должно быть - но не висит - пистолет. Его так давно не отпускает, что он сам себе кажется наркоманом, подсевшим на иглу. Только его игла сидит намного глубже, чем можно вытащить.

- Я постараюсь со всем разобраться как можно быстрее. Потерпи, родная, и мы уедем отсюда, - сейчас он и сам в это не верит.

Оливия Элизабет Хамфри

Дита смотрит на Рико и не моргает, долго и пристально. По её лицу невозможно понять, о чем она думает, потому что оно расслаблено, не напряжено ни единый

мускул, и только взгляд странный. Какой-то непривычно-колющий и холодный. Даже для неё самой. Когда-то давно её нельзя было назвать хорошей актрисой, её выдавал голос, глаза, мимика. Сейчас хорошей актрисой её назвать было так же сложно, единственное, что она умела хорошо - не выражать ничего.

Двойное ощущение. Всё внутри девушки кричит о том, что надо уходить. Уходить отсюда, может быть, даже бежать. Она не знает, откуда берется это чувство, где зародилось и почему от него в жилах вибрирует кровь. Это где-то слишком глубоко внутри, наверное в тех местах, который всегда были закрыты для Диты, но которые - дом родной для этой загадочной сифу Хамфри. Но в то же время... Куда она без Рико? Всё это время она цеплялась за него, как за спасательный круг, потому что он - единственное родное и знакомое, что есть в этом мире. Одиночество - ничто по сравнению с тем, с чем столкнулась Дита, покинув лагерь, в котором всё началось. Когда перед тобой целый огромный мир и ни единого воспоминания, ни единого знакомого имени или человека.

Девушка вытаскивает сигарету из смятой пачки Рико, а затем садится на пол прямо там, где только что сидела, на циновку. Её не заботит запах, который может разнестись по корпусу, как и не заботит, что о неё подумают. Поджигает кончик сигареты одним только взглядом и затягивается. Как ни странно, лучше ей не становится

- Я думала, что начну что-то вспоминать, когда окажусь в месте, где уже была... - задумчиво произносит Дита, не глядя при этом на Рико. Решает сменить тему и замять неприятный разговор, хотя, на самом деле, может думать только о том, как сильно ей хочется уйти из этого места. Наверное, она даже винит мужчину в том, что из-за него не может уйти. Привязана к нему, а он слишком измотан для того, чтобы идти дальше. Или благоразумен... Мальдите не важно, куда идти и за чем бежать. Она может направляться напрямик в ловушку, под пули или стрелы, но это лучше, чем сидеть на месте. Потому что есть вещи, заложенные намного глубже, чем можно представить. И бег - то, что она делает, делала и будет делать.

- Но я не помню. Вижу всё это в первый раз, - обводит комнату мужчины взглядом, отмечая, что она точь-в-точь такая же, как и её. Абсолютно безликая.

Дита старательно избегала взгляда мужчины, при этом испытывая целый ворох самых разных чувств. От раздражения и злости, до мук совести и страха, почему-то уязвленности, неопределенности. Встать и уйти хотелось почти так же сильно, как остаться. Эль Рико можно поставить памятник, что он терпит такую странную её.

- Расскажи мне что-нибудь, - она не верит в слова Рико о том, что они уедут. Это место - трясина, которая затягивает и не отпускает. Она это чувствует. Знает. Кажется, память не вернулась, но остались чувства на уровне интуиции. Она жила тут, покинула это место, но вот опять она здесь. Интересно, это её первое возвращение в эти стены?

- Ты знал? Ты специально привел меня сюда? - от его ответов будет зависеть очень многое. Дита не поймет его попыток помочь ей вспомнить. Как ослица уперлась и верит в то, что прошлая жизнь ей не нужна. Она её не хочет.

Эль Рико Семпере

Что рассказать? Как боится, что она уйдет, оставит его одного? Как боится, что однажды утром не найдет ее рядом, не ощутит под рукой гладкость кожи, длинные

волосы и не почувствует на щеке ее беспокойное дыхание? Что боится потерять ее, как единственное, что еще не пускает его на самое дно? Признаться, что держится, лишь бы было ради кого жить и идти дальше? Не для себя самого, самого себя он уже давно бы отпустил, забыл, растворился в насилии и убийствах, убирая одного за другим, в вечном взгляде-на-две-тысячи-ярдov, не выражающим ничего, кроме отупения и равнодушия к собственной судьбе?

Рико сползает вниз на пол, упираясь спиной в комод, берет пачку и тоже закуривает, поджигая сигарету трепещущим огоньком на большом пальце правой руки. Затягивается долго, с усилием, до отказа наполняя легкие горьким дымом, с шумом выдыхает, надеясь, что головная боль, ставшая привычным спутником, отступит, а мысли прояснятся. Но легче ему тоже не становится.

- Нет. Не знал и не приводил специально, - Рико всего лишь искал место. где им можно будет спрятаться. И только на подходах к Лхасе вспомнил, что именно тут они брали девчонку, но тогда ему даже в голову не пришло провести параллели, что она, с такой сильной магией, может быть связана с монастырем. - Мне не сообщили ни твое имя, ни откуда ты, ни вообще что ты есть такое. Меня держали на ментальном поводке и только говорили, что я должен делать. Молчать, не задавать вопросов, выполнять свою работу. А я не настолько хороший ментальный маг, чтобы сопротивляться.

Ментальный поводок - это больно. Это все, что сможет внятно объяснить Даниэль, спроси его кто-нибудь об этом. Чувство, что твою голову туго обвязали чем-то невидимым, стянули на затылке, что это причиняет физическую боль, в голове - пустота, чужеродная, гулкая, и только неторопливо снуют посторонние приказы и слова, говорящие тебе, что нужно делать дальше. Но ты оставляешь за собой способность здраво рассуждать, думать и действовать, и поступаешь так, как тебя научили и ты привык. Просто ты не можешь сопротивляться. Ты не думаешь о том, чтобы сопротивляться - такой мысли не возникает. Не то, чтобы мысли - даже ее отголоска.

- Может, нам и не нужно, чтобы ты вспоминала? - прямо спрашивает он, задумчиво скосив глаза на пепел на кончике сигареты и не зная, куда его деть. На пол как-то неудобно, гадить там, где спишь, но и вставать, чтобы найти что-то подходящее, откровенно говоря лень. Пепел так и тлеет и осыпается на камуфляжные брюки. - Пора учиться жить заново?

Если нет возможности все вернуть, нужно учиться жить по-новой. Они просто пережили это, когда-нибудь придется закрыть страницу этой жизни и открыть новую, начать новую главу, с чистого листа. Эль Рико хочется тишины и спокойствия, он просто устал постоянно бегать и прятаться, невозможно всю жизнь бежать, не останавливаясь, Земля круглая и, если не остановиться в один момент, вернешься к тому, с чего начинал. Он сыт по горло всем этим.

Оливия Элизабет Хамфри

- Думаешь? - задается вопросом Дита, потому что, на самом деле, не знает, как ей лучше поступить. Кем была та незнакомка, та Оливия Хамфри, которую те парни называли сифу и встретили так недружелюбно. Дита чувствовала осуждение, хотя ничего не сделала или, по-крайней мере, не помнила, что сделала. Это смущало.

Девушка вытянула руки над головой, выгнулась, разминая спину и плечи, а затем повалилась назад, на пол, и теперь лежала, чуть склонив голову в бок, разглядывая своего мужчину. Ноги в коленях были согнуты, на циновке было в меру удобно, и факт того, что лежит она на полу, её совсем не смущал.

- А как это было? Ты помнишь? Когда вы меня поймали. Я хоть сопротивлялась? - последнее было сказано с плохо скрываемой надеждой, потому что она была должна, нет, просто обязана сопротивляться. Потому что, если нет, значит она была какой-то клушей бестолковой.

Почему-то Дита не воспринимала Оливию как часть себя. Это был совершенно чужой и незнакомый человек, у которого из сходств с ней, с Дитой, было только тело. То есть, она не думала о том, что Оливия вела себя точно так же, как она, мыслила так же, принимала те же решения. Потому что не может быть на свете такой же, как она. А Оливия - не является ею. Она какая-то странная загадочная сифу.

Дите было немного стыдно за то, что она интересовалась Оливией, так что она решила как-нибудь аккуратно сменить тему. Например...

- Интересно, на этих циновках удобно спать? А трахаться? - она задумчиво прикрыла глаза, а затем расплылась в ухмылке. - Ну, хотя бы, блин, не скрипит, - ну как тут не улыбаться, когда невольно вспоминаешь, сколько неудобств им доставил дурацкий скрип.

Эль Рико Семпере

А нужен ли ей ответ на этот вопрос? Даниэль в сотый раз задумывается о том, что его держит рядом с ней. Задумывается - и не находит ответа. Он не хочет отвечать самому себе, отвечать честно и искренне. Быть может, боится принять это окончательное решение, признаться, потому что считает, что это все изменит. А может быть...к черту?

- Еще бы, - Рико ухмыльнулся, рассматривая место на руке, где несколькими годами ранее на коже сомкнулись девичьи острые зубки. Он несколько раз сжал и разжал кулак, отмечая, что напряжение из сведенных судорогой нервозности пальцев практически ушло. Действовал ли так на него никотин или монастырь действительно расставлял свои сети, как огромный паук, но постепенно головная боль, ставшая его постоянной спутницей, отступила, затаилась на время. - Мы шли за тобой в Лхасе, затем затолкнули в какой-то узкий проулочек. Японцу потребовалось ровно секунды три, чтобы тебя отрубить. За эти три секунды ты прокусила мне руку до крови и послала en el coño. Из проулочка уже выходила сама.

Рико помнит, но рассказывает без подробностей - так говорят о вещах, которые хотят забыть. Скупое, беглое, с неохотой. Всю жизнь он выполнял приказы, убивал при надобности, выполнял любую грязную работу, вся его жизнь с двадцати до тридцати - целое десятилетие - одна сплошная изматывающая война. Что же случилось потом, что он устал, сказал себе стоп? Только ли из-за того, что в лагере появилась безымянная девчонка? Или была какая-то еще причина? Сигарета догорает и практически что обжигает пальцы. Надо ему завести пепельницу, иначе все тут окажется покрыто тонким ровным слоем седого пепла. Рико наблюдает за Дитой из-

под полуприкрытых век, как она тянется, красуется, лежит перед ним на полу, смотри-не хочу, невысокая, тоненькая и только ему принадлежащая. Задающая такие интересные вопросы.

- Хочешь это проверить? - ему не нужно повторять дважды и не нужно уговаривать. Откинув полупустую смятую сигаретную пачку в сторону, Эль Рико улыбается, резко меняет положение тела и опираясь на руки, наклоняется над Дитой, несколькими поцелуями касаясь ее подбородка и спускаясь к нежной шее. Каким бы уставшим он не был, как бы его не доставало чувство постоянного оптического прицела в спину, в любом состоянии он готов быть рядом с ней, готов отвечать ей и готов любить ее. Уже неважно, что будет потом и что будет завтра, то будет через час, сейчас она рядом с ним - это самое главное.

Оливия Элизабет Хамфри

Дита поглядывала за реакцией Рико из под прикрытых ресниц, дожидаясь его дальнейших действий. Признаться честно, она не ожидала вот такой реакции на свои слова, и уж точно не думала, что проверять циновки они будут прямо сейчас. Но... разве могла она сопротивляться?

Губы растягиваются в довольной ухмылке, и девушка чуть задирает подбородок, подставляя мужчине под поцелуи нежную, чувствительную шею. В голове что-то щелкает, и вот она уже ни о чем другом не думает, кроме него. Они вели серьезных разговор? Плевать! Устали? Плевать! Закрыли ли они дверь? Плевать! Закрывается ли она вообще? Угадаете что?

Дита ласково проводит пальцами по чуть колючей щеке, запуская руку в волосы мужчины, поглаживая её по голове. Странно было тушить сигарету несмотря на то, что телом овладевало абсолютно другое, противоположное желание - поджигать. Одними только кончиками пальцев, едва касаясь воспламенять всё, до чего может дотянуться. Точно так же, как воспламенялась кожа под губами любимого мужчины. Девушка убирает потухший окурочек куда-то в сторону, обещая потом его поднять и выбросить, и тут же, уже через секунду, забывает об этом обещании.

Рука скользит теперь уже о шее, чуть с нажимом, властно и по-хозяйски, потому что приятно принадлежать кому-то. Еще приятнее, когда кто-то принадлежит тебе. Пальцы цепляются за ворот его одежды, недовольно оттягивают ткань и теребят. Ей не удобно лежать, подставляясь под поцелуи, и одновременно пытаться снять с него мешающую одежду.

А она правда мешала. Дита любила тело Рико, в этом было что-то маниакальное и горделиво-собственническое. Ей нравилась его смуглая, гладкая кожа, сильные руки, не перекаченное тело с огромными мышцами, но закаленное годами тренировок, напряженное, словно пружина. Нравилось трогать, гладить, целовать, наблюдать за тем, как это тело отвечает на ласки. Иногда даже казалось, что тело и Рико - что-то совершенно отелное, друг другу не принадлежащее. И в такие моменты она почему-то любила тело отдельно от Даниэля. Это было странно и сложно даже для неё, так что она не вдавалась во всякие там рассуждения, а просто любила.

- Очень хочу проверить, - выдыхает тихо, замечая вдруг, что дыхание стало более тяжелым, а сердце бьется отнюдь не так спокойно, как пару минут назад.
